

Сергей
Александрович
СПОЛОХ

Больше века прошло с начала Первой мировой войны, но до сих пор влияние её итогов сказывается даже на событиях современности.

В первые дни августа в нашей стране и в соседней дружественной Белоруссии отмечалась сто десятая годовщина начала Великой войны. Именно так Первую мировую называли, когда она шла, и длительное время после. В этой войне активное участие принимали донские казаки, в том числе и уроженцы станицы Гундоровской, на месте которой был основан город Донецк Ростовской области.

Одно из самых длительных и жестоких противостояний той памятной войны происходило на белорусской земле, у города Сморгонь современной Гродненской области. Вот почему именно там 3 августа нынешнего года был открыт мемориал в память о сто десятой годовщине начала Первой мировой войны и 810-дневной битве под этим белорусским городом. На открытии мемориала присутствовал наш земляк, краевед и писатель Сергей Сполох. Ему было предоставлено слово для выступления на военно-исторической конференции, а в местной прессе была размещена публикация об участии донских казаков в страшных боях с применением химического оружия. Сегодня мы размещаем этот рассказ на страницах нашей газеты. Читайте!

В боях под Сморгонью

Казачьи войска — великая сила! Особенно если это донские казачьи полки всех трёх очередей! Лейб-гвардейские полки и первые семнадцать именных номерных полков всегда на страже и всегда впереди! Да и полки второй и третьей очередей тоже в состоянии изменить положение на полях сражений в пользу Российской императорской армии.

Донскому казаку при встрече всегда задавалось два вопроса: из какой станицы он родом и в каком полку служил. От ответов на них сразу становилось ясно, что за представитель казачьего рода-племени стоит перед собеседником. Выходцев из лейб-гвардейских полков сразу было видно по высокому росту и особой выправке. Это сказывалась шагистика в многошереножном строю на огромном множестве парадов и смотров.

А полчанин из номерного, того, что поближе к полсотне, тот больше напоминал ополченца. Как ни крути, а возраст уже за тридцать, и погрузневшая фигура, в которую очень трудно вернуть былую строевую красоту и осанку. Такой казак куда больше думал о своём хозяйстве и семье, оставленных в родной станице, чем о воинской службе.

Как раз такие казаки, призванные из хутора Швечикова станицы Гундоровской, и оказались в 45-м Донском казачьем полку в начале осени 1915 года, когда уже всю стратегию отступления русской армии на всех западных землях империи.

В самом начале битвы за небольшой белорусский город Сморгонь в сентябрьские дни 1915 года у казаков 45-го Донского казачьего полка была важная задача — стоять непроницаемой завесой на пути

Молебен в полевых условиях.

наступления неисчислимых немецких орд. А путей было много, очень много. Начиная от шоссе на Молодечно и Минск и заканчивая полевыми дорогами, которые проходили по лесам между деревушками под местечком Сморгонь.

Такое уютное слово — местечко! Полковая колонна проследовала по нему ещё до его беспощадного и почти полного разрушения. Через полгода непрерывных боёв от домов обывателей остались только торчащие трубы, а сама Сморгонь была расположена глубокими окопами противоборствующих сторон. К началу апреля 1916 года поредели ряды 45-го полка и не в лихих кавалерийских атаках, а в окопных боях, разведках и вылазках. К этому времени казаки больше всего стали бояться такой смерти в бою, где вместо винтовок, карабинов, пулемётов и орудий всех калибров применялся удушливый газ.

Страх перед ним испытывали почти все. Даже полковой священник отец Аристарх, хотя, конечно, никому и никогда не мог признаться в этом.

Сын настоятеля Свято-Серрафимовской церкви хутора Швечикова отца Евлампия, он по семейной традиции окончил Новочеркасскую духовную семинарию, но сразу по её окончании прихода не получил и занимал место законоучителя в одной из школ станицы Каменской. В самом начале Великой войны Аристарх изъявил добровольное желание отправиться на войну полковым священником сформированного в окружной станице 45-го полка.

Запомнился момент прощания на железнодорожной станции. Отец и сын стояли друг напротив друга возле чёрного паровоза, пускавшего клубы пара, которые то и дело скрывали две фигуры в одинаковых церковных облачениях. Разве что у сына Аристарха вседневная ряса была поновее, а не выгоревшая на солнце, как у отца.

Отец Евлампий, приобняв сына, так напутствовал своего воспитанника:

— Сын мой дорогой! Помнишь, как звучит незабвенный девиз: «За веру, царя и Отечество!»? Вера-то на заглавном месте! Береги себя,

и пусть тебя хранит наперсный крест, наша семейная реликвия.

Полковому священнику по согласованным с воинским начальством правилам следовало находиться на правом фланге общего строя вместе со штаб-офицерами. Однако, Аристарх этим не ограничился. По-хорошему, не теряя своего лица и особого положения, сдружился с офицерами и с целью упрочения своего авторитета среди окормляемого казачьего воинства не раз отправлялся на передовые позиции, занимаемые взводами и сотнями. Конечно, без приключений не обошлось.

Однажды группа офицеров попала под сильный артиллерийский обстрел. Все бросились враспынную и побыстрее стали отыскивать любые укрытия. Отцу Аристарху по его сану совсем не положено бегать вприпрыжку и ронять своё тело в издалека видной чёрной рясе на землю, и потому он продолжил своё неторопливое шествие до ближайшей опушки леса. Но после того как столб земли поднялся совсем рядом, всё же побежал со всех ног, налетел на торчащий из-под земли корень и расплосовал им рясу ниже пояса. Сразу стало видно белое исподнее бельё. Конфуз, да ещё какой! Казаки быстро поднесли брезентовый полог, на котором они лежали в секрете и обмотали нижнюю половину фигуры батюшки. Службу, конечно, в таком виде править было нельзя, а передвигаться можно. Многие видели всё это, но смеялись без издёвки и незлобно. Батюшка-то наместник Божий, над ним потешаться нельзя. Бог покарает!

Понимать нужно было, что казаки находились на фронте, а значит, для всех только один самый грозный вид Бо-

Наперсный крест
священника.

жьей кары — смерть. Боялись её все и честно в этом священнику признавались. И не только на исповеди.

Во время того памятного для Аристарха происшествия небольшой осколок вражеского снаряда прошёл по касательной по нижнему углу наперсного креста, оставив достаточно глубокий росчерк. Можно было бы и заменить крест, есть же в походном сундучке запасной, но нет, не стал батюшка делать этого. Пусть видят казаки, что их духовный наставник тоже в переделках побывал.

На первую неделю апреля 1916 года выпало Вербное воскресенье. На молебне по этому славному поводу Аристарх прочитал проникновенную проповедь: «Дьяволом ниспосылаемое на наши войска газовое исчадие, направляемое на казачьи окопы, предназначено для того, чтобы устроить вас, доблестные воины, парализовать вашу волю. Други мои! Исполняйте беспрекословно всё то, что велят вам ваши начальники, готовьтесь к испытаниям! Находите в своих душах мужество и не оставляйте своих боевых позиций! На то и расчёт кайзеровских извергов, чтобы вы проявили слабости и открыли им путь в глубь России. Не старайтесь спастись бегством. От газа не убежишь!

Убивает не газ. Убивает страх перед ним! Укрепляйте свой дух и веру в Бога! Это всегда спасёт вас и защитит от всех напастей!».